

DOI: 10.31857/S086919080028044-5

ТОНКОСТЕННАЯ КЕРАМИКА ВРЕМЕНИ НАТАКАМАНИ И ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ «ИМПЕРСКОГО СТИЛЯ» В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МЕРОЭ (СУДАН)¹

© 2024

С.Е. МАЛЫХ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Резюме: В статье анализируется тонкостенная керамика древнесуданского царства Мероэ, изготовленная из светложгущейся каолиновой глины. Она появляется не ранее I в. до н.э. и особую популярность приобретает в I–II вв. н.э., во времена правления царя Натакамани и его преемников. Особенности гончарного сырья требовали от мастеров-горшечников профессионализма и специфических навыков, а также наличия усовершенствованных печей для обжига и гончарного круга. Залежи глины располагаются как вблизи столицы – царского города Мероэ, так и к югу и северу от нее, например, в Мусавварат эс-Суфре и Седеинге. Изделия украшались штампованным или расписным декором в египтизированном или эллинистическом стиле и были распространены от Сеннара и Абу Гейли на юге до Каранога и Шаблула на севере, являясь наглядным маркером мероитской цивилизации; они обнаружены как в некрополях, так и на поселениях, включая храмовые зоны. Морфологический ассортимент мероитской тонкостенной каолиновой керамики достаточно скромнен, хотя и имеет некоторые различия в Нубии и на «острове Мероэ», при этом заметна стандартизация по форме и объему сосудов, что может говорить о централизованном контроле над гончарными мастерскими. Единообразие форм сосудов и их объема, а также стилистически близкий декор позволяют предположить существование особого стиля керамики Натакамани и его преемников, который условно можно назвать «имперским». Архитектура дворцов и храмов, предметы для обслуживания культа I–II вв. н.э. также демонстрируют единообразие, которое могло быть связано с государственным контролем административных центров и ремесленных мастерских при них. Постепенный упадок царской власти в III – середине IV вв. н.э. синхронен с нарастающей деградацией мероитской тонкостенной каолиновой керамики и ее заменой сосудами с упрощенным декором и из менее сложных в обработке пустынных глины.

Ключевые слова: древний Судан, Куш, царство Мероэ, Натакамани, мероитская керамика, древнее гончарство.

Для цитирования: Малых С.Е. Тонкостенная керамика времени Натакамани и проблема выявления «имперского стиля» в материальной культуре Мероэ (Судан). *Восток (Oriens)*. 2024. № 1. С. 47–58. DOI: 10.31857/S086919080028044-5

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-28-01802 «Последний великий строитель между древним Римом и Африкой: преобразование монументального ландшафта в столичных центрах среднего течения Нила при царе Натакамани», <https://rscf.ru/project/22-28-01802/>

The article was prepared with the support of the grant no. 22-28-01802 (“The last great master builder between ancient Rome and Africa: development of monumental landscape in capital zones of the Middle Nile Valley under king Natakamani”) of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/22-28-01802/>

CERAMIC FINE WARES OF NATAKAMANI'S TIMES AND THE PROBLEM OF IDENTIFYING THE "IMPERIAL STYLE" IN THE MATERIAL CULTURE OF MEROE (SUDAN)

© 2024

Svetlana E. MALYKH ^a^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-2077-7285; malyh2002@mail.ru

Abstract: *The article analyzes ceramic fine wares of the ancient Meroitic Kingdom, made of white kaolinite clays ("eggshell wares"). This pottery appeared not earlier than the 1st century B.C. and gained popularity in the 1st–2nd centuries A.D., during the reign of king Natakamani and his successors. The kaolinite clays required professionalism and specific skills from ancient potters, as well as the availability of improved pottery wheels and kilns. Clay deposits were located near Meroe Royal City and in several other regions. The vessels were decorated with stamped or painted decoration in Egyptian or Hellenistic style and were distributed from Sennar and Abu Geili in the south to Karanog and Shablul in the north, being a clear marker of the Meroitic civilization. These complex wares could not be produced locally and became a marketable commodity. The morphological assortment of Meroitic fine wares is quite modest, while standardization of the shape and volume is noticeable, which may indicate centralized control over pottery workshops. Stylistic uniformity of the vessels suggests the existence of a special "Imperial" style of pottery in the time of Natakamani and his successors. At the same period plans of settlements, the architecture of palaces, temples and cult objects also demonstrated uniformity, which could be associated with state control of administrative centers and craft workshops. The decline of royal power in the 3rd – mid-4th centuries A.D. was synchronous with the degradation of Meroitic fine kaolin ceramics and its gradual replacement with wadi clays of grayish-beige colour and simplified decoration.*

Keywords: ancient Sudan, Kush, Kingdom of Meroe, king Natakamani, Meroitic pottery, ancient pottery.

For citation: Malykh S.E. Ceramic Fine Wares of Natakamani's Times and the Problem of Identifying the "Imperial Style" in the Material Culture of Meroe (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 1. Pp. 47–58. DOI: 10.31857/S086919080028044-5

Как точно заметили французские специалисты Р. Давид и М. Эвина, мероитская тонкостенная светлоглиняная керамика (рис. 1)² являлась такой же неотъемлемой частью материальной культуры древнесуданского (кушитского) царства Мероэ, как чернолаковые аттические сосуды или краснолаковая *Терра сигиллата* для древнегреческой и древнеримской цивилизаций [David, Evina, 2015, p. 49]. В то же время примечательно, что этот вид гончарных изделий не всегда изготовлялся мероитами и их предшественниками: почти половину истории царства оно существовало без светлоглиняных сосудов, а его керамику вряд ли можно считать заметным археологическим маркером.

Если рассматривать кушитскую и нубийскую керамику в ретроспективе, следует обратить внимание, что сперва была господствующей африканская (судано-сахарская) лепная традиция гончарства, которая сохранялась на всем протяжении истории зоны Сахеля, практически до современности [Adams, 1973, p. 32–36; Williams, 1991, p. 72–73; Edwards, 2014, p. 53], с разницей лишь в том, была ли она лидирующей (как в неолите)

² Рис. 1–3 находятся на цветной вклейке.

или уходила на второй план, становясь прерогативой удаленных провинциальных поселений и хозяйств.

Уже с 3-го тыс. до н.э. нубийские археологические культуры стали испытывать все возрастающее влияние более развитого северного соседа – Египта. Естественным образом эта тенденция продолжилась во времена египетского Нового царства, когда в результате военных действий Нубия стала частью египетской державы, и сюда были экспортированы египетская керамика и гончарные технологии (подробнее см.: [Малых, 2021, с. 7–9]).

С началом Мероитского периода в истории Куша ок. 300 г. до н.э.³ развитие гончарных технологий продолжилось в направлении, заданном в предыдущий, Напатский период: лепная керамика имела традиционные мало изменившиеся формы, иногда декорированные вдавленным и прочерченным орнаментом [Garstang, Sayce, Griffith, 1911, pl. LIII; Griffith, 1924, p. 158, pl. XLIV; Edwards, 1998, p. 165–177] (рис. 2, 4), а круговая (гончарная) несла на себе отчетливые следы египетского и эллинистического влияния, включавшие как использование гончарного круга быстрого вращения, так и новые керамические формы и художественный стиль декора. Например, по всему царству стала популярна эллинизированная роспись в виде виноградных лоз и листьев плюща, а также новые морфологические типы сосудов – кратеры (рис. 3), столовые амфоры, аскосы, арибаллы, лекифы и даже клепсидры [Fernández, 1984, p. 67, 81, pl. VI, fig. 8; Williams, 1991, fig. 12, 21; Baud, 2010, p. 83–84; Török, 2011, p. 252–260; Nowotnick, 2016; Evina, 2018; Малых, 2022, с. 38].

Круговые сосуды местных типов (в частности, круглодонные шарообразные пивные кувшины) украшались более лаконичной росписью – полосами или волнами на тулове, иногда с цветочными розетками, как видно по керамике из некрополей Гаммаи, Амир Абдалла, Габати, Баллана и Кустул [Bates, Dunham, 1927, pl. LXII, fig. 27; Fernández, 1984, p. 64, pl. V, fig. 6–8; Williams, 1991, p. 33, fig. 9–11; Edwards, 1998, p. 142–157, fig. 6.1–6.11] (см. кувшин JB20/1700/XI/97 из аллювиальной глины, обнаруженный в здании В 1700 в Гебель Баркале (рис. 3–4)). Некрополь Амир Абдалла В.М. Фернандес датировал 300–25 гг. до н.э., в том числе основываясь на радиоуглеродных данных [Fernández, 1984, p. 50–51]. Указанные материалы из Габати Д. Эдвардс относил ко II–I вв. до н.э. [Edwards, 1998, p. 198]. Погребение № 115 в Гаммаи, принадлежавшее верховному жрецу, следует датировать I в. до н.э. [Sakamoto, 2018, p. 574].

Для изготовления раннемероитской керамики применялась либо нильская аллювиальная глина, добывавшаяся на берегах реки, либо глина пустынных вадий [Williams, 1991, p. 32], по технологическим признакам напоминавшая светлогжущиеся мергельные глины Египта. Если последняя была в принципе пригодна для формовки тонкостенных изделий, то даже хорошо отмученная аллювиальная глина, замешанная на речном иле, не позволяла делать стенки сосудов тоньше 3–5 мм по всей поверхности. Каолиновая глина, из которой преимущественно была изготовлена рассматриваемая в статье керамика, благодаря своим пластическим свойствам дает возможность производить изделия с крайне тонкими (до 2 мм) стенками от венчика до донца, получившие в специальной литературе название “eggshell ware” [Bourriau, 1981, p. 104; Adams, 1986, p. 435, 438; Zach, 1988, S. 142; Robertson, Hill, 2004, p. 125–128; Evina, 2010, p. 106]. Однако эта разновидность сырья

³ Хронология Куша в целом и царства Мероэ в частности до сих пор является дискуссионной. Так, часть исследователей начинают мероитский период примерно с 300 г. до н.э. [Baud, 2010, p. 286; Török, 2011, p. XXV; Лебедев, 2019, с. 22; Lebedev, 2021, p. 36 и др.], когда прежняя столица – Напата – пришла в упадок, а город Мероэ возвысился. Другие же относят начало мероитского периода к VI в. до н.э., когда из-за разрушения Напаты египетским фараоном Псамметихом II в 591 г. до н.э. официальная столица была перенесена в Мероэ [Кацнельсон, 1970, с. 174–177]. Однако и после этого влияние напатских жрецов было значительным, цари продолжали короноваться в Напате и использовать ее некрополь для своих погребальных построек. Последнее изменилось в III в. до н.э.

требовала от гончаров специальных навыков: иного подхода к замесу теста (в том числе меньшее использование отощителей), умения формовать тончайшие стенки, использования усовершенствованного гончарного круга [David, Evina, 2015, p. 50; 2016, p. 110], а также более высоких и стабильных температур обжига, а, следовательно, и гончарных горнов улучшенной конструкции.

Благодаря обнаружению залежей светлоглушихся каолиновых глин в окрестностях города Мероэ [Robertson, Hill, 2004, p. 114; Wolf et al., 2011, S. 240; Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 732] предложено, что основным центром производства “eggshell ware” была столица [Robertson, Hill, 2004, p. 117]. При этом раскопанные в ее пригородах гончарные мастерские (при поселениях в Хамадабе, Мувейсе и эль-Хассе) не занимались изготовлением тонких каолиновых сосудов [Baud, 2008, p. 53–54; Wolf et al., 2011, S. 234–237, Abb. 10, 21; Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, 2014, p. 728–730; David, Evina, 2015, p. 52]. Роль провинциальных мастерских пока до конца не определена: судя по находкам гончарного брака и наличию залежей подходящих глин, ассортимент продукции гончарен в Мусавварат эс-Суфре (в 70 км к юго-западу от Мероэ) включал тонкую светлоглиняную керамику [Edwards, 1999, p. 27, 37–38]. Однако, по мнению Д. Эдвардса, временный характер поселения в Мусавварат эс-Суфре, находившегося под прямым управлением царской администрации, не предполагал постоянной потребности в гончарной мастерской, что может указывать на существование большего количества странствующих ремесленников, а одна «мастерская» могла работать в разных местах. Профессиональные навыки, необходимые для изготовления и успешного обжига некоторых видов гончарных изделий, особенно тонкостенных, могли быть приобретены весьма ограниченным числом гончаров [Edwards, 2014, p. 51]. Р. Давид, соглашаясь с этой гипотезой, приводит еще один аргумент в ее пользу – идентичность расписного и штампованного декора по всему ареалу тонкостенной каолиновой керамики – вероятно, инструменты для его нанесения могли путешествовать вместе с мастером. Кроме того, исследователь отметил наличие глин, пригодных для формовки тонкостенных изделий, рядом с поселением в Седеинге [David, 2018, p. 483–484], удаленного от Мероэ более чем на 500 км к северо-западу. Дальнейшее физико-химическое исследование гончарных глин, вероятно, позволит выявить и другие источники сырья на территории царства [David, Evina, 2015, p. 53].

Начало разработки каолинов и появление “eggshell ware” многие специалисты относят к I в. н.э. [Fernández, 1984, p. 84; Adams, 1986, p. 438–439; Zach, 1988, S. 142; Evina, 2010, p. 110], т.е. ко времени правления царя Натакамани и его непосредственных предшественников⁴, хотя Л. Тёрёк, а вслед за ним и другие ученые допускают более раннее возникновение этого типа керамики в конце I в. до н.э. [Török, 1987, p. 82; 2011, p. 261–262; Evina, 2010, David, Evina, 2015, p. 50; 2016, p. 110; Edwards, 2014, p. 59].

Независимо от времени появления тонкостенной светлоглущейся керамики в Мероэ очевидно, что расцвет ее производства приходится на эпоху Натакамани и его преемников, т.е. на вторую половину I и II вв. н.э. В этом случае весьма показательно, что в погребальном контексте этот керамический тип периодически соседствует с изготовленными в Асуане сосудами с барботиновым декором (рис. 1), по своему типу характерными для I–II вв. н.э.⁵, что подтверждает датировку “eggshell ware”. В целом же время бытования

⁴ В настоящее время преобладает точка зрения, что Натакамани, видимо, царствовавший вместе с супругой Аманиторе, являлся современником римских императоров Клавдия (41–54 гг. н.э.) и Нерона (54–68 гг. н.э.), т.е. правил приблизительно в середине – второй половине I в. н.э. [Hofmann, 1978, S. 138; Baud, 2010, p. 287; Török, 2011, p. XXVI]. Прежде эпоху этого мероитского царя определяли первой половиной I в. н.э. [Dunham, 1957, p. 7; Wenig, 1967; Кацнельсон, 1970, с. 230; Roland, Fagan, 1975, p. 40].

⁵ Например, в мероитских некрополях Шаблул, Аниба (Караног), Фарас, Неллуа (южный Аргин), Баллана и Кустул, граничивших с южным Египтом [Woolley, Randall-MacIver, 1909, p. 41, pl. 29 (no. 7); 1910, p. 273–274,

тонкостенной каолиновой мероитской керамики обычно определяют интервалом от I до III вв. н.э. [Bourriau, 1981, p. 105–110; Zach, 1988, S. 142–143; Edwards, 1999, p. 40; David, Evina, 2015, p. 53], хотя У. Адамс предполагал ее более длительное производство вплоть до 350 г. н.э. [Adams, 1986, p. 439], т.е. до падения Мeroитского царства. Это подтверждается материалами из поселений в районе 4-го порога Нила [El-Tayeb, 2013, p. 89, fig. 30], которые демонстрируют явный упадок: роспись на сосудах груба и схематична, оттиски плохо продавлены, сюжет их не ясен⁶. В то же время весьма показательно полное отсутствие керамики этого типа в «царском» некрополе IV в. н.э. в эль-Хобаги, тогда как форма и декор найденных здесь бронзовых чаш воспроизводят стиль мероитской тонкостенной керамики [Lenoble, 2018, p. 72, 84–90, 161–182, fig. 34, 40–41, 83–92, ph. 57–84]. Это заставляет задуматься о причинах исчезновения мероитской каолиновой керамики, которые могли быть связаны как с упадком гончарного дела, так и с истощением разведанных запасов сырья. Дополнительным аргументом к последнему предположению является все большее использование серовато-бежевых глин вади для формовки аналогичных изделий, что хорошо видно, например, на материалах II–III вв. н.э. из Абу Эртейлы [Malykh, 2017(1), p. 150, fig. 11; Kormysheva et al., 2019, p. 186, 190–191, fig. 49 (AE17/II-54/2, 3, 13, 14), 52 (AE17/II-61/1, AE17/II-61/13)] (рис. 5).

Светлый цвет каолиновой глины и тонкая гладкая поверхность сосудов способствовали развитию двух видов декорирования подобных изделий – росписи и серии оттисков. Последние включали египтизированные мотивы (иероглифические знаки, связанные с царем, богами, жизнью, возрождением и благополучием) и геометрические фигуры (ромбы, треугольники, овалы, капли и др.) (подробнее см.: [Малых, 2018, с. 38–40]) (рис. 1, 5). Технически они аналогичны аттическим штампам-пальметтам⁷, однако густо покрывают наружную поверхность сосудов открытых и закрытых типов, при этом внешний вид используемого на мероитской керамике набора знаков не имеет четких корреляций с эллинистическим миром, а связан либо с Египтом, либо являет собой смешение египетской и мероитской культур.

Напротив, по стилю росписи мероитскую тонкостенную керамику можно разделить на две группы – египтизированную и эллинизированную (рис. 1). Последняя имеет характерный для культур стран Средиземноморья растительный и зооморфный декор (виноградные лозы, листья плюща, бегущие животные) и демонстрирует устойчивые связи царства Мероэ и эллинистического мира [Török, 2011, p. 252–259], прежде всего, через Птолемеевский и Римский Египет.

Египтизированная роспись на мероитской керамике имеет более широкий набор мотивов и сюжетов, по сравнению со штампованным декором, и включает как различную символику, так и изображения растительного и животного мира, а также людей и мифических существ (например, пляшущих чернокожих сатиров), тем самым имея египетскую основу, но проявляя синкретический характер (подробнее см.: [Малых, 2018, с. 41–50]).

Ареал мероитской тонкостенной каолиновой штампованной и расписной керамики в целом совпадает и покрывает значительные области от Сеннара и Абу Гейли на Голубом Ниле (около 300 км к юго-востоку от современного Хартума) [Crawford, Addison, 1951, p. 44, pl. XL, XLIII; Brass, Schwenniger, 2013, p. 13] до поселений и некрополей к югу от 1-го

pl. 90 (no. 8703–8705), 100 (no. 9019); Griffith, 1924, p. 160–162, pl. XLIX–LI; Garcia Guinea, Teixidor, 1965, p. 19–23, fig. 3, 5, pl. IV, VII; Williams, 1991, p. 69, fig. 40, 142, 259, 271]. Об асуанских барботинах см.: [Малых, 2016(1), с. 363–369]. Дополнительные аргументы в пользу датировки светлоглиняной мероитской керамики I–II вв. н.э. см.: [Francigny, David, 2013, p. 112–113, fig. 3].

⁶ Также см.: [David, Evina, 2015, p. 53; 2016, p. 113].

⁷ О пальметтах на аттической и египетской керамике см. [Малых, 2020].

порога Нила, ныне затопленных водами озера Насер. Самыми северными точками обнаружения мероитской керамики рассматриваемых типов остаются Шаблул (Арейка) и Караног (Аниба) [Woolley, Randall-MacIver, 1909, p. 35–36, pl. 24–31; 1910, p. 51–53, pl. 41–100; Zach, 1988, S. 130], расположенные в 165 и 172 км соответственно к юго-западу от Асуана.

Столичный регион древнесуданского царства – т.н. «остров Мероэ» – демонстрирует наибольшее количественное и качественное разнообразие тонкостенной декорированной керамики, которая найдена в столице – городе Мероэ (рис. 1) и во всех крупных и мелких административных и храмовых центрах (Хамадаб, Аулиб, Абу Эртейла (рис. 1, 5), Мувейс, эль-Хасса, Вад Бан Нага, Нага, Мусавварат эс-Суфра), а также в некрополях Бегравия и Габати. Значительно присутствие рассматриваемого в статье керамического типа и севернее – после впадения реки Атбары (поселение Дангейл и некрополь Бербер), в районе старых региональных центров Кермы (Дукки Гел) и Напаты (Гебель Баркал) (рис. 1), а также ниже по течению Нила – на поселениях и в некрополях в Селибе, Седеинге, на острове Саи, Семне, Гаминарты, Неллуа, Муршиде, Матуге, Фарасе (рис. 1), Баллане, Кустуле, Караног, Шаблуле⁸.

Несмотря на общее совпадение границ распространения мероитской тонкой расписной и штампованной керамики, первая многочисленней и найдена на большем числе памятников, нежели сосуды с оттиснутым декором. Возможно, ограниченное наличие инструментов для оттиска – штампов – уменьшало возможности массового изготовления такой керамики. Кроме того, при общности декоративных приемов и повторяемости форм, для последних все же фиксируются некоторые региональные различия: на «острове Мероэ» были популярны полусферические чаши, тогда как цилиндрические кубки и высокогорлые шарообразные кувшины более характерны для археологических комплексов, расположенных между 1-м и 4-м порогами Нила, т.е. в Нубии [Edwards, 1999, p. 28–29, pl. X–XIII; David, Evina, 2015, p. 53; David, 2018, p. 483–484, fig. 3–7]. «Эти различия являются частью глобального процесса регионализации производства, который иллюстрирует сохранение традиций на местном уровне посредством создания особых форм» [David, Evina, 2016, p. 111]. Тем не менее, при анализе корпуса тонкостенной каолиновой керамики царства Мероэ обращает на себя внимание единообразие форм сосудов и их объема, что указывает на имевшую место стандартизацию керамических изделий, видимо, насажденную централизованно, и, как следствие, придавшую этой группе сосудов своеобразие и узнаваемость. Вместе со стилистически близким декором это позволяет нам говорить о существовании особого стиля керамики Натакамани и его преемников, который, в силу своей распространенности, можно было бы назвать «имперским».

Итак, изготовление тонкостенной светложущейся каолиновой керамики в царстве Мероэ, требовавшее более развитых технологий и гончаров-профессионалов, возникло внезапно, а не явилось результатом длительной эволюции гончарного ремесла; в этом случае наиболее логично объяснить это внешним влиянием. Действительно, к I в. до н.э. работа с каолиновыми глинами уже была освоена в египетской Сиене (Асуане) [Малых, 2021, с. 9] – пограничном с царством Мероэ регионе, а еще раньше – римлянами, а продукция асуанских мастерских активно ввозилась в Мероитское царство⁹.

Формы мероитской тонкостенной каолиновой керамики – цилиндрические и конические кубки, полусферические чаши, шарообразные горшки, лекифы – имитируют бронзовые, стеклянные и керамические сосуды *Pax Romana* [Török, 1987, p. 82–83; David, Evina, 2015, p. 50; 2016, p. 111]. Более того, один из способов нанесения декора – использование штам-

⁸ Детали и ссылки на соответствующие публикации см.: [Малых, 2018, с. 39–43].

⁹ См., например, обилие египетской асуанской керамики в некрополях Баллана и Кустул в Нижней Нубии [Williams, 1991, p. 62–71, fig. 22–40], а также в более удаленных от Египта регионах Мероэ [Малых, 2021, с. 9–10].

пов по влажной глине – имеет четкие корреляции с аттической керамикой, орнаментированной штампами-пальметтами. Этот метод затем был воспринят в средиземноморском регионе, включая Птолемеевский и Римский Египет [Малых, 2020, с. 23–26]. Его весьма ограниченное использование в Египте I–II вв. н.э. заставляет исследователей предполагать либо прямое заимствование у римлян [Zach, 1988, S. 143–145], либо его независимое изобретение в Мeroитском царстве [Elhassan, 2004, p. 54–55; Kroeper, Schoske, Wildung, 2011, S. 102]. Последние аргументируют свое предположение тем фактом, что штампы воспроизводят египтизированные мотивы, а не эллинистические. Сторонники происхождения технологии от римлян обосновывают свою точку зрения имевшими место контактами мероитов с римскими гарнизонами, размещенными к югу от 1-го порога Нила (например, в Примисе (Каср Ибрим)) для гарантии целостности границы Римской империи, в которую вошел Египет в 30 г. до н.э. [David, Evina, 2015, p. 50; 2016, p. 111]. Таким образом, произошла адаптация техники нанесения штампа к местному иконографическому репертуару, что показывает интеграцию новых технологий в устоявшийся культурный фон Мeroитского царства [David, Evina, 2016, p. 116].

Как в Мeroитском царстве времени правления Натакамани и его преемников, т.е. в I–II вв. н.э., было достигнуто единство материальной культуры, наглядно видимое на керамическом материале? Фиксируемые отклонения лишь показывают, насколько традиционное гончарное ремесло Куша, казалось бы, устойчивое в сохранении своих африканских корней (визуально выразившемся в повсеместном изготовлении лепной керамики судано-сахарской традиции), было подвержено влиянию центральной власти. Теоретически это возможно, если гончарные мастерские функционировали при административных комплексах (путевых дворцах) и храмах, активно возводимых при Натакамани во многих ключевых пунктах царства, причем сооружаемых если не по единому, то близкому образцу. Как показывают археологические исследования, это действительно имело место и в столичной области (в частности, в Абу Эртейле, Муейсе, Вад Бан Наре), и в более удаленных областях (например, в Напате) [Wolf, 2006, p. 241–258; Baud, 2010, p. 213, 241–242; Maillot, 2015, p. 80–83]. Эти же исследования продемонстрировали выработку мероитами единых правил планировки поселений, четко разделявшихся на жилые и производственные территории [Wolf et al., 2011, S. 236–237, Abb. 20; Baud, 2015, p. 99–100, fig. 4; Малых, 2022, с. 84]. Использование особой маркировки керамики косвенно указывает на действительно имевшую связь ремесленных мастерских при административно-храмовых комплексах с царской властью¹⁰. Примечательно, что и предметы для обслуживания культа, например, керамические колонновидные подставки-курильницы и формы для ритуальных возлияний, были однотипными в мероитских храмах I–III вв. н.э., независимо от их принадлежности различным богам [Edwards, 1999, p. 26, pl. IX (no. 777–778); Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 93–94, Abb. 63, Taf. XII; Malykh, 2017(1), p. 151–152, 176, fig. 12; Малых, 2019, с. 683–687].

Ранее, анализируя глины мероитских сосудов, мы пришли к выводу, что гончарные мастерские, функционировавшие в административно-храмовых комплексах I–II вв. н.э., в основном обеспечивали внутренние нужды, а торговля между ними была слаба и скорее заключалась в обмене продуктами – например, зерном и вином в керамической таре [Малых, 2022, с. 84]. Однако мероитская тонкостенная светлоглиняная керамика, которая не могла производиться в каждой такой мастерской как минимум из-за недоступности сырья и сложности изготовления, как раз и стала ликвидным товаром, популярным во всех уголках царства.

¹⁰ Подробнее см.: [Малых, 2016(2), с. 156–158; Malykh, 2017(2), p. 201–203].

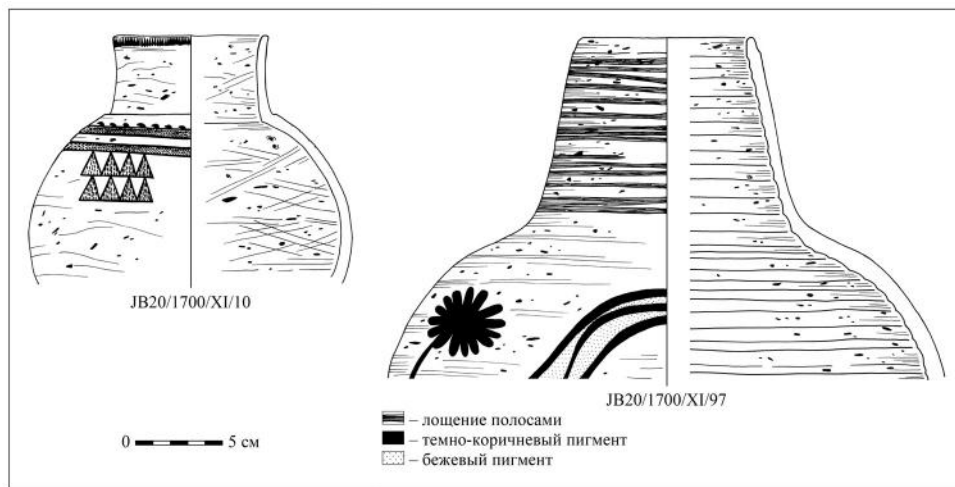

Рис. 4. Керамика из российских раскопок в Гель Баркале, здание В 1700, помещение XI: слева – горшок нубийского стиля, I в. до н.э. – I в. н.э.; справа – пивной кувшин II–I вв. до н.э. (рис. автора)

Fig. 4. Pottery from Russian excavations in Gebel Barkal, building B 1700, room XI:
on the left – Nubian style pot, 1st century B.C. – 1st century A.D.;
on the right – beer jar of the 2nd–1st centuries B.C. (drawing by the author)

Стандартизация формы и объема светлоглиняных сосудов, каолиновая глина, декор – все это указывает на профессионализм и специализацию гончаров, и вероятно, на имевшее место разделение труда (как минимум в вопросах формовки и декора), т.е. на своего рода конвейерное производство в мастерских, работавших под контролем центральной власти, как это было установлено для Мусавварат эс-Суфры [David, Evina, 2015, p. 52]. Более того, Д. Эдвардс, первооткрыватель гончарной мастерской в Мусавварат эс-Суфре, предположил не только ее временный характер и работу привозных мастеров, но и то, что они были «царскими», принадлежавшими к особой «касте» ремесленников, находившихся в «политически зависимом положении» [Edwards, 2014, p. 60]. Соответственно, как только царская власть приходит в упадок, а также ослабевает и элита на местах, деградирует и эта разновидность керамики, практически полное исчезновение которой совпадает с падением Мероитского царства [David, Evina, 2015, p. 53; 2016, p. 111, 116].

Подводя итог, следует сказать, что дальнейшее изучение не только мероитской керамики времени Натакамани и его преемников (I–II вв. н.э.), но и всей совокупности предметов материальной культуры царства Мероэ, выявленных в ходе археологического изучения поселений, храмов и некрополей, а также анализ планировки, архитектурных форм сооружений и строительных приемов, позволит углубить изучение вопроса об «имперском стиле», на данный момент хорошо устанавливаемом по самобытным и запоминающимся керамическим изделиям периода последнего расцвета древнеафриканского царства, служащим его наглядным маркером.

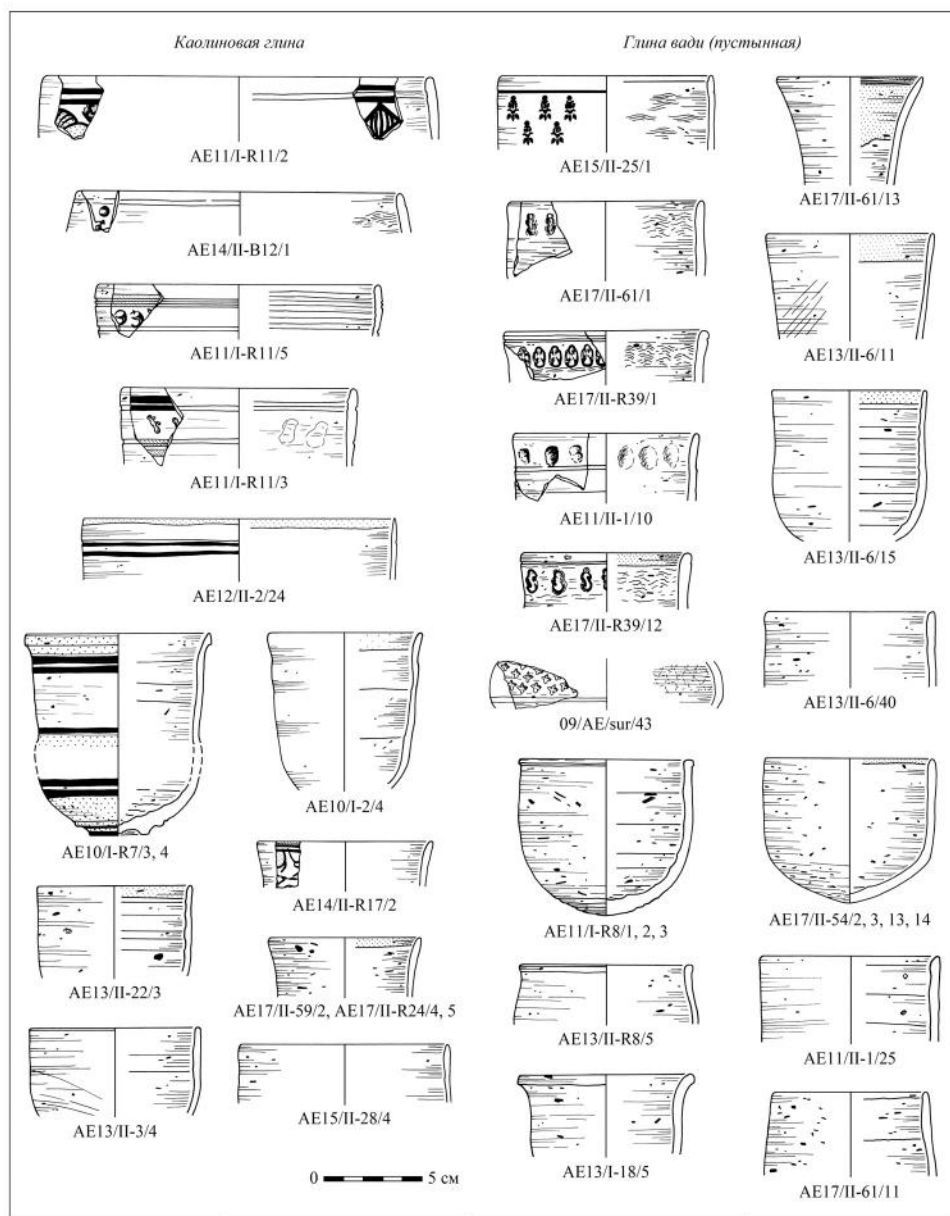

Рис. 5. Тонкостенная керамика I–III вв. н.э. из российских раскопок в Абу Эртейле (рис. автора)

Fig. 5. Fine pottery of the 1st–3rd centuries A.D. from the Russian excavations in Abu Erteila (drawing by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Кацнельсон И.С. *Напата и Мероэ – древние царства Судана*. М.: Наука, 1970 [Katsnelson I.S. *Napata and Meroe – The Ancient Kingdoms of Sudan*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].
- Лебедев М.А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 21–48 [Lebedev M.A. History of Meroitic archaeological complexes of Wadi al-Hawad (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 21–48 (in Russian)].
- Малых С.Е. Керамика типа «барботин» в Римском Египте: распространение и проблема атрибуции. *Вестник древней истории*. 2016(1). № 2. С. 361–370 [Malykh S.E. “Barbotine” Ceramic Ware in Roman Egypt: Diffusion and the Problem of Attribution. *Journal of Ancient History*. 2016(1). No. 2. Pp. 361–370 (in Russian)].
- Малых С.Е. Знаки на мероитской керамике из Абу Эртейлы: проблема интерпретации. *Эпиграфика Востока*. 2016(2). Вып. XXXII. С. 143–165 [Malykh S.E. Marks on the Meroitic Pottery of Abu Erteila: The Problem of Interpretation. *Oriental Epigraphy*. 2016. No. 32. Pp. 143–165 (in Russian)].
- Малых С.Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межкультурных влияний в материальной культуре древних обществ. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 37–55 [Malykh S.E. Egyptian Motifs in the Ceramic Decoration of Meroe. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 37–55 (in Russian)].
- Малых С.Е. Ритуальные подносы из Абу Эртейлы: к вопросу о единообразии храмовых обрядов Мероэ. *Вестник древней истории*. 2019. № 3. С. 678–688 [Malykh S.E. Ritual Basins from Abu Erteila: The Uniformity of Temple Rites in Meroe. *Journal of Ancient History*. 2019. No. 3. Pp. 5–22 (in Russian)].
- Малых С.Е. Штампы-пальметты на древнеегипетской керамике в контексте средиземноморской культуры второй половины 1-го тыс. до н.э. *Восток (Oriens)*. 2020. № 3. С. 19–34 [Malykh S.E. Stamped Palmettes on Ancient Egyptian Pottery in the Context of the Mediterranean Culture of the Second Half of 1st Millennium B.C. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 3. Pp. 19–34 (in Russian)].
- Малых С.Е. Египетская керамика в Нубии: этапы бытования. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 6–15 [Malykh S.E. Egyptian Pottery in Nubia: Stages of Existence. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 6–15 (in Russian)].
- Малых С.Е. Керамические комплексы устья Вади эль-Хавад: особенности мероитского гончарства при царе Натакамани. *Восток (Oriens)*. 2022. № 6. С. 72–87 [Malykh S.E. Ceramic Complexes of the Mouth of Wadi el-Hawad: Features of Meroitic Pottery under King Natakamani (Morphology and Archaeometry). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 72–87 (in Russian)].
- Adams W.Y. Progress Report on Nubian Pottery. 1. The Native Wares. *Kush* 1973. Vol. 15. Pp. 1–50.
- Adams W.Y. *Ceramic Industries of Medieval Nubia*. Lexington: University Press of Kentucky, 1986.
- Bates O., Dunham D. *Excavations at Gammai*. Cambridge: Peabody Museum of Harvard University, 1927.
- Baud M. The Meroitic Royal City of Muweis: First Steps into an Urban Settlement of Riverine Upper Nubia. *Sudan & Nubia*. 2008. Vol. 12. Pp. 52–63.
- Baud M. (ed.). *Méroé. Un empire sur le Nil*. Paris: Officina Libraria, 2010.
- Baud M. Trois saisons à Mouweis: Premier bilan archéologique. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Ed. by M.H. Zach. Vienna: Verein der Förderer der Sudanforschung, 2015. Pp. 97–110.
- Bourriau J. *Umm El-Gaàb. Pottery from the Nile Valley before the Arab Conquest. Catalogue*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Brass M., Schwenniger J.-L. Jebel Moya (Sudan): new dates from a mortuary complex at the southern Meroitic frontier. *Azania: Archaeological Research in Africa*. 2013. Vol. 48. Pp. 1–18.
- Crawford O., Addison F. *Abu Geili, Saqadi and Dar el Mek. The Wellcome Excavations in the Sudan*. Oxford: Oxford University Press, 1951.
- David R. Funerary Ceramics and Meroitic Economy: A First Insight. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Ed. by M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 481–488.

David R., Evina M. La fine ware méroïtique. Marqueur d'une civilisation. *Égypte, Afrique et Orient*. 2015. Vol. 78. Pp. 49–56.

David R., Evina M. Introduction à l'évolution des chaînes opératoires des céramiques méroïtiques. *Journal of Nubian Studies*. 2016. Vol. 3. Pp. 83–126.

Dunham D. *The Royal Cemeteries of Kush*. Vol. IV. *Royal Tombs at Meroë and Barkal*. Boston: Museum of Fine Arts, 1957.

Edwards D.N. *Gabati. A Meroitic, post-Meroitic and medieval cemetery in central Sudan*. Vol. 1. Oxford: Archaeopress, 1998.

Edwards D.N. *Musawwarat es Sufra III. A Meroitic Pottery Workshop at Musawwarat es Sufra*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

Edwards D.N. Early Meroitic Pottery and the creation of an early imperial culture? *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig. Mitteilungen der Sudanarchaologischen Gesellschaft zu Berlin e.V. Sonderheft 2014*. Ed. by A. Lohwasser, P. Wolf. Berlin: SAG e.V., 2014. Pp. 51–63.

Elhassan A.A. *Religious Motifs in Meroitic Painted and Stamped Pottery*. Oxford: BAR Publishing, 2004.

El-Tayeb M. *Funerary traditions in Nubian Early Makuria (African Reports. Vol. 9. Monograph Series 1)*. Gdańsk, 2013.

Evina M. Une double tradition céramique. *Méroé. Un empire sur le Nil*. Ed. by M. Baud. Paris: Musée du Louvre Éditions, 2010. Pp. 105–113.

Evina M. Painted Kraters from the Meroitic City of Muweis: Some Elements of Understanding. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2018. Vol. 11. Pp. 233–253.

Fernández V.M. Early Meroitic in Northern Sudan: The assessment of a Nubian archaeological culture. *Aula Orientalis*. 1984. Vol. 2. Pp. 43–84.

Fitzenreiter M., Seiler A., Gerullat I. *Musawwarat es Sufra II. Die kleine Anlage*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

Francigny V., David R. Dating Funerary Material in the Meroitic Kingdom. *Der antike Sudan. Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2013. Heft 24. Pp. 105–115.

Garcia Guinea M.A., Teixidor J. *La necropolis meroitica de Nelluah (Argin Sur, Sudan)*. Madrid: Ministerio de asuntos exteriores, 1965.

Garstang J., Sayce A.H., Griffith F.Ll. *Meroë. The city of the Ethiopians: being an account of a first season's excavations on the site, 1909–1910*. Oxford: The Clarendon Press, 1911.

Griffith F.Ll. Oxford Excavations in Nubia. The Meroitic cemetery at Faras. *Annals of Archaeology and Anthropology*. 1924. Vol. 11. Pp. 141–180.

Hofmann I. *Beiträge zur meroitischen Chronologie (Studia Instituti Anthropos 31)*. St. Augustin bei Bonn: Anthropos Institut, 1978.

Kormysheva E., Lebedev M., Malykh S., Vetokhov S. *Abu Erteila. Excavations in Progress*. Moscow: IOS RAS, 2019.

Kroeper K., Schoske S., Wildung D. (Hrsg.). *Königsstadt Naga. Grabungen in der Wüste des Sudan*. München, Berlin: Staatliches Museum ägyptischer Kunst, 2011.

Lebedev M.A. Archaeological works to the north of the Great Amun temple at Jebel Barkal (Sudan): preliminary results and new perspectives. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 36–47.

Lenoble P. *El-Hobagi: une nécropole de rang impérial au Soudan Central. Deux tumulus sur sept*. Le Caire: IFAO, 2018.

Maillot M. The Meroitic Palace and Royal City. *Sudan & Nubia*. 2015. Vol. 19. Pp. 80–87.

Malykh S.E. Late Meroitic pottery of Abu Erteila: local traditions and foreign influence. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017(1). Vol. 27. Pp. 137–180.

Malykh S.E. Marks on Meroitic Pottery from Abu Erteila: The Problem of Interpretation. *Beiträge zur Sudanforschung*. 2017(2). Bd. 12. Pp. 193–211.

Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. Ed. by S. Japp, P. Kögler. Wien: Phoibos Verlag, 2016. Pp. 399–414.

Robertson J.H., Hill E.M. The Meroitic Pottery Industry. *Meroitica 20. The Capital of Kush. Meroë Excavations 1973–1984*. Ed. by P.L. Shinnie, J.R. Anderson. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. Pp. 109–212.

Roland O., Fagan B.M. *Africa in the Iron Age: c. 500 B.C. to A.D. 1400*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.

Sakamoto T. Meroitic Cemetery 100 of Gammai and its Historical Background. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Ed. by M. Honegger. Louvain: Peeters, 2018. Pp. 571–580.

Török L. Meroitic Painted Pottery: Problems of Chronology and Style. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1987. Bd. 2. Pp. 75–106.

Török L. *Hellenizing Art in Ancient Nubia 300 BC – AD 250 and Its Egyptian Models: A Study in "Acculturation"*. Leiden: Brill, 2011.

Wenig S. Bemerkungen zur Chronologie des Reiches von Meroe. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. 1967. Bd. 13. S. 1–44.

Williams B.B. *Meroitic remains from Qustul cemetery Q, Ballana cemetery B, and a Ballana settlement I*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1991.

Wolf P. Temples in the Meroitic South – Some aspects of typology, cult and function. *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference for Nubian Studies. Rome, 9–14 September 2002*. Ed. by I. Caneva, A. Roccati. Rome: Libreria Dello Stato, 2006. Pp. 239–262.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroe und Hamadab – Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush. *Archäologischer Anzeiger*. Bd. 2. 2011. S. 213–245.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic urban town of Hamadab in 2010. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Ed. by J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven, Paris, Walpole: Peeters, 2014. Pp. 719–737.

Woolley C.L., Randall-MacIver D.R. *Areika*. Oxford: University Press, 1909.

Woolley C.L., Randall-MacIver D.R. *Karanôg: The Romano-Nubian Cemetery*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 1910.

Zach M. Die Gestempelte Meroitische Keramik. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1988. Bd. 3. S. 121–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МАЛЫХ Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье С.Е. Малых

Фарас, © The Trustees of the British Museum

Абу Эртейла
AE10/I-R7/3, 4

Гебель Баркал
JB21/1700/169/1

Мероэ
© MFA Boston, 17.6684

Мероэ
© MFA Boston, 23.1468

Мероэ
© MFA Boston, 17.9029

Рис. 1. Мероитская тонкостенная каолиновая керамика и асуанская барботиновая чаша из Фараса (Британский музей), Мероэ (Музей изящных искусств в Бостоне), Абу Эртейлы и Гебель Баркала (российские раскопки, С.Е. Малых)

Fig. 1. Meroitic fine kaolinite pottery and an Aswan barbotine cup from Faras (British Museum), Meroe (Boston Museum of Fine Arts in), Abu Erteila and Gebel Barkal (Russian excavations, S.E. Malykh)

Рис. 2. Керамика нубийского стиля из здания В 1700 в Гебель Баркале: помещение XI, слои I в. до н.э. – I в. н.э., российские раскопки (фото С.Е. Малых)

Fig. 2. Nubian style pottery from the building B 1700 at Gebel Barkal: room IX, layers of the 1st century B.C. – 1st century A.D., Russian excavations (photo by S.E. Malykh)

Рис. 3. Расписная керамика II–I вв. до н.э. из российских раскопок в Гебель Баркале (Судан), здание В 1700, помещение XI: *вверху* – фрагменты кратеров с эллинизированной росписью; *внизу* – пивной кувшин (фото С.Е. Малых)

Fig. 3. Painted pottery of the 2nd–1st centuries B.C. from the Russian excavations in Gebel Barkal (Sudan), building B 1700, room XI: *at the top* – fragments of kraters with Hellenized painting; *below* – beer jar (photos by S.E. Malykh)